

Волжская коммуна
г. Куйбышев

27 МАР 1988

ВОЛЖСКАЯ КОММУНА

Сегодня — Международный День театра

УНИВЕРСИТЕТЫ НИКОЛАЯ МИХЕЕВА

Когда — было это с месяц назад — отмечалось шестидесятилетие народного артиста РСФСР Николая Александровича Михеева и по этому поводу в Доме актера состоялся творческий вечер, виновник торжества как-то побуднично торопливо вышел на сцену, улыбнулся приветствующим его зрителям своей простодушно-хитровой, «михеевской» улыбкой, сел на стул и стал читать монолог старого солдата Ивана из спектакля по пьесе А. Кудрявцева «Иван и Мадонна».

Возьму на себя смелость сказать почему. Вспоминая годы войны, Иван рассказывает, как довелось ему охранять «Мадонну» — картину, которую не видел он доселе, но ради которой не страшно было принять ему смерть. Незамысловатая эта пьеса обладала замечательным смыслом: великая красота накрепко и нетленно сопряжена с судьбой простого, не искусственного в искусствах человека, сопряжена и бросает неистребимый отблеск на всю его жизнь. Красота — не осведомленность, не эрудиция, не сумма расхожих мнений, красота как часть собственной души, открытие в своей душе.

Мне кажется, Михеев и любит своего Ивана потому, что его устами может сказать людям о том, что человек не только открыт влияниям физическим, плотским, житейским, но может идти к правде духовно — не гладко, соизмеряясь с сегодняшними условиями жизни.

И вот тут я снова обращаюсь к Николаю Александровичу Михееву, вернее, к его героям, которых, странное дело, просто так от него и не оторвешь.

Более десяти лет назад я был зрителем спектакля «Идиот» по Достоевскому, который сейчас воспринимается скорее как история театра, нежели биография Михеева. Между

тем Михеев в ту пору только был принят в наш театр, перспектива его была еще неясна, и вообще наш театр если и нуждался в новых кровях, то всерьез. Были, правда, обстоятельства объективные. Например, такие. Главный режиссер театра П. Л. Монастырский испытывал трудности с героем, который не обязательно сыграет Островского (потом Михеев блестяще сыграет Крутицкого в спектакле «На всякого мудреца довольно простоты»), но будет универсальным актером, когда речь идет о персонаже, страдающем «изнутри», способным поставить вопросы неоднозначные — многосложные, способным публично заразить этими вопросами.

Засухин в это время играл в Москве, молодой Демич завоевывал Ленинград, но ведь куйбышевский театр продолжал жить, и ему необходим был социальный герой, как необходима была социальная тема, которая к этому времени стала называться нравственной темой.

Михеев вошел в этот пласт жизни театра, как нож в масло. Думая сейчас о нем, мне кажется, что театр издал какой-то тайный крик, который были способны услышать только посвященные. Михеев его услышал и был вознагражден. Вознагражден театром. Возможностью быть среди своих, хотя я не уверен, что он понимал в ту пору этот маленький нюанс. В «Идиоте» он был так же самостоятелен, как и одинок, хотя его пронзительный вопль о человеке-безумце, человеке-страстборце был призывно понятен. Понадобился другой спектакль, где и труппа, и Михеев выступили единым организмом — удивительным в своей силе единомыслием. Я имею в виду спектакль «Визит старой дамы», где Михеев в паре с В. А. Ершовой творил все, что хотел. Спектакль, в свое время имевший шумный успех, быть

может, больше сюжетный, нежели натуральный. Между тем Илл — его играл Михеев — был настолько по-житейски натурален и простодушен, что «зазеркалье» этой роли читалось многими прямолинейно и однозначно. А этого не надо было делать, поскольку и простота, и простодушные Илла обрачивались проблемой нравственной устойчивости и нравственной же твердости.

Было бы, наверное, неправильно говорить, что Михеев основал нравственную тему в нашем театре — она была всегда, тут надо говорить о том, что Михеев придал этой теме откровенно — проповеднический смысл. Келлин в спектакле «Святая святых» говорит от нашего имени об экологической проблеме, причем экология снова и снова упирается в нравственность. Антипа в «Зыковых» А. М. Горького страдает не из-за чудес демографии, а из-за невозможности стать достойным человеком в предлагаемых ему обстоятельствах.

Совсем чуть-чуть, и великая обстановка свершит свое право в спектакле, которым может гордиться любой актер. Речь идет о «Братьях Карамазовых», где Михеев играет роль Федора Карамазова, фигуру ключевую, из которой исходит весь спектакль П. Монастырского, скорее эпический, нежели трагический. И если уж в нем есть трагическое начало, так оно связано с михеевским персонажем, который так плох, так ничтожен и так узнаваем, что великое карамазовское зло несет печать вселенского, неизбежного зла, в котором Федор Карамазов — заметная частность.

Еще раз напомним ту мысль, что Николай Александрович Михеев возник в куйбышевском театре согласно тому правилу, когда однородность, какой бы разной она ни была, диктует и выбор, и пристрастия, оставляя на худой конец право поправлять то, что кажется сложившимся и непоправимым. Полтора десятка последних лет наш драматический театр, казалось бы, был настолько хорош, что не нуждался в поправке. Да Михеев и не поправлял его. Он пришел в него со своим духовным опытом, со своим видением жизни, со своей иронической улыбкой, за которой угадывается человек серьезный и постоянный в своих чувствах. Пришел, и этот театр оказался его.

Е. ЖОГОЛЕВ.